

*К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯКУБА КОЛАСА

О як бы я хацеў спачатку
Дарогу жыцця папарадку
Прайсці яшчэ раз...

Якуб Колас «Новая зямля».

Та тяжелая весть встретила меня в Святошине, под Киевом, где остановилась на случайный постой моя семья. Помню, день был — с самого утра — такой же, как и сегодня, когда я пишу эти строки, печально при-
молкший.

И вдруг в суете сборов — сразу даже не осозналось и не поверилось — голос радио из Москвы: умер народный поэт Белоруссии Якуб Колас.

Первое стремление было немедленно броситься в аэропорт или на вокзал, чтоб в этот же день улететь или уехать в Минск! Чтоб проститься. Чтоб вместе со всеми белорусами постоять у гроба, чтоб со всеми вместе проводить в последний путь...

Но как было добиться билета в том августовском пекле в Киеве?!

Так и не вылетела, и не выехала, не увидела и не простилась. И потому долго мучила совесть. И как всегда в подобных случаях безвозвратной утраты, вспомнилось что-то очень личное, дорогое...

— Пойди, Аленка, в мою комнату и в нижнем ящике письменного стола возьми конфет. Вынеси детям.

Так, не один раз, когда-то звал меня в Королищевичах Константин Михайлович, возвратясь из Минска, куда уезжал по каким-то своим делам или к врачам. Он никогда не приезжал без конфет и гостинцев.

...Я отправлялась в его комнату, просторную и уютную, открывала ящик письменного стола и, набрав полные пригоршни конфет, несла их Константину Михайловичу.

Детей не надо было упрашивать — они уже знали, что тут будет, и дружно обступали его кресло.

Константин Михайлович, не меняя позы и выражения сдержанного удовлетворения и любопытства на лице, наблюдал за детьми. Он никогда не подстраивался под них, не вмешивался в их игры и споры, как это часто любят делать молодые люди — обязательно поучать и бранить виноватых. Он только наблюдал. И, видимо, сравнивал и удивлялся в душе, каким непохожим может быть детство. И, конечно же, вспоминал собственное, также прошедшее в лесу...

Только в том лесом — его — детстве и близко ничего похожего не было на это, где одни только игры и никаких забот. Там обязательными были топорик, труженик-кнут и лозовая корзинка для грибов и ягод.

А здесь господствовали нарядные куклы, роскошные деревянные кони, велосипеды,

Алена ВАСИЛЕВИЧ:

На всю жизнь

резиновые мячи... Две совершенно разные планеты.

Мы с детьми, чтоб сделать приятно, — почти ежедневно старались принести ему в комнату свежие цветы. Тогда Королищевичи не были еще так вытоптаны, как сейчас. Тогда обочина дороги, что вела на гравийку, была вся усыпана крупными душистыми ландышами. Мы набирали чудесный букет, несли его Константину Михайловичу, и он, если был у себя в комнате, с наслаждением нюхал ландыши и указывал, где лучше поставить букет. И все же никогда нас не хвалил и не благодарил... Видно, его больше радовало бы, чтоб ландыши цвели на воле, в серебряной росе и на солнце.

...Все то лето он чаще всего находился в Королищевичах. И если к нему никто не приезжал, он сам приглашал кого-нибудь посидеть с ним, поговорить. Расспрашивал, а чаще говорил сам — неспешно рассказывал, вспоминал — еще с давних лет, со времени «лесниково́й посадки», какие-то свои наблюдения за птицами, лесом,

погодой (он предсказывал ее безошибочно). И все умел объяснить не «по-ученому» (академик, вице-президент Академии наук!), а так, как в деревне объясняют старые мудрые люди.

Константин Михайлович и меня приглашал не один раз посидеть с ним на его скамейке... Может, чтоб поближе присмотреться, понять, почему эти нынешние женщины не занимаются своим извечным делом — не хлопчут о доме и семье, а неизвестно куда стремятся, чего-то добиваются, боясь не отстать от мужчин...

...Может, потому и отважилась я попросить его прочесть мои «Шляхі-дарогі», Мне очень хотелось услышать, что скажет о них Якуб Колас. И он прочел их и отнюдь не пришел в восторг, а потом даже эпиграмму написал о том, как «Алена» карову ратавала...

[Окончание на 3-й стр.]

*К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯКУБА КОЛАСА

[Окончание.
Начало на 1-й стр.]

На всю жизнь

Сов. Белоруссия - Минск. - 1992. - 4 нояб.

...Мне очень хотелось тогда, чтоб он сказал хоть что-нибудь о моей книге, которую, по тому времени, немало хвалили, да и сама я была довольна ею. (И собою тоже...) Я не удержалась и однажды спросила все же Константина Михайловича, понравились ему или нет мои «Шляхі-дарогі».

Он ответил не сразу, ответил, глядя куда-то в сторону: — Язык неважный. Надо учиться языку.

Это меня страшно поразило! Он даже сказал «нязграбны» — неуклюжий... У меня и мыслей об этом не было. Все мои, как льняная, костра шерсткие, «ущие», да еще «вщие» тогда как будто даже не касались моих ушей. Уши мои были словно забиты ватой.

— Без языка... Если отсутствует слух... Если автор не слышит слова, то не надо и писать.

Так обобщил наш разговор на «литературную тему» Константин Михайлович.

У меня не осталось тогда чувства обиды. Мне было только очень стыдно: как я могла отжаться надоедать — и ко-

му? — Якубу Коласу! — со своим чтением?

И все же, думаю так теперь, тот давнишний стыд за то, присущее молодости самодовольство, пошел мне на пользу.

...Сколько помню себя, когда и мамы уже не было, и когда росла я среди двоюродных своих сестер Саши, Анюты и Нины. Слово Коласово было у нас дома такое же привычное, как краюха хлеба, что всегда лежала на столе под белой льняной скатеркой.

Ничего, например, не было проще моей сестре Нине пообещать мне (когда от меня требовалась помощь), что она будет рассказывать мне «стишки» (их у нее в голове, как смеялись наши домашние, был добрый мех), — и я уже была готова на все. Пасти на выгоне коров, помогать копать картошку, полоть гряды, мыть пол, подметать улицу... И это уже даже тогда, когда я была, как

дома у нас говорили, «взрослая девка» — училась в школе и сама знала на память целые вороха стихов. Но одно дело — ты сама себе на выгоне читаешь Коласовы «Ігрушы-сапежнікі», и совсем иное, когда кто-то на память их тебе рассказывает, «как артистка»...

Слухай, Кастусь, што скажу я:
Папасі авечкі,
Можна, дзядзьку абману я,
Скрадзусь з-за грэчні,
У сад залезу, сапаяжанак
Пазуху нарву я.
Сакаўных таіх, братанак!
А ну, пашанце!
Глянуў Алясь брату ў вочы,
Хітра засмяяўся...
Кастусь быў да груш ахвочы:
— Ну, йдзі, ды не баўся...

Шло время. Стремительно мелькали годы. Выгон с овцами и телятами чередовался со школой и запойным чтением книг. И юная душа жаждала уже чего-то неопределенного, романтического... Вот тут-то ей как раз и встретились на новых «просторах жизни» коласовы Стенка Барута и Аленка Пар-

нашка. И стали они тогда в белорусской литературе идеалом — таким, каким был в те годы в литературе русской Павлик Корчагин, а в западной — Овод. ...Я оглядываюсь на те уже бесконечно далекие годы моего (и моих ровесников) голодного и холодного детства и юношества: какие дни высокого восторженного счастья извдало оно!

И мне в чем-то жаль сегодня моих внуков, жаль их поколение. Оно завалено игрушками, оглушено самыми фантастическими «фонами» и «роками», а «телек» своим голубым искушением погубил интерес и радость общения с Книгой.

Через много-много лет, попав в командировку в «глыбіню Палесся», в Пинковичи, где когда-то учительствовал молодой Якуб Колас и откуда вышел и навсегда остался в белорусской литературе учитель Лобанович, а вместе с ним и две прелестные полесские ча-

ровницы-сестры панны Ядвися и Габрынька, — я долго блуждала по тем тропкам и окрестностям, неизменно измененным временем, и глубоко печалилась в душе... Хотя бы какой-то след найти — тех чар, той прежней высокой чистой красоты, созданной Словом Коласа!

Вокруг кипела, куда-то стремилась и создавала себя совсем-совсем другая жизнь и красота — совсем иного, нового Полесья.

...А летом девятьсот двадцать второго года — еще живы люди, кто помнит тот день, — приезжал в наши Липники и сидел под грушей-спасовкой Якуб Колас. Сидел в тени на муравке, а вокруг него почти все женщины и мужчины из нашей деревни (как раз пригнали на день коров с поля — это все хорошо помнили). Колас читал «Новую зямлю». Читал «Раніцу ў нядзельку», «Дзядзьку ў Вільні» и, видно же, «Падгляд

пчол», потому что всегда и о пчелах вспоминали те, кто там был и слушал то чтение.

Сидели там, рядом с Якубом Коласом, и моя мама, и мои тетки, и сестры двоюродные...

— Но, и читал, брат, Коласок! — будто вчера это было, вспоминал не один раз старый книжник и главный политик наших Липников Михаил Неронский. — Вся деревня умирала со смеху... А когда окончил читать, так не поверишь, мы, мужчины, подкидывали его на «ура» и так на руках до самой школы донесли...

Не знаю, с той ли поры или еще раньше, но у нас дома Коласову «Раніцу ў нядзельку» все знали, как «Отче наш»... Напамять.

«Дзень быў святы. Яшчэ ад рання блінцы пякліся на сняданне. А каля печы з чапалю стаяла маці. Пад рукою таўкліся дзеці, заміналі...»

И в нашей же деревне также каждое утро на завтрак пеклись блины! И мы, дети, разве тоже не ловили их «на лету»?..

...И вот оттуда, с тех дней и с тех ранец, с детства — остался Якуб Колас с нами. И мы также — с ним и его Словом.

На всю жизнь.